

УДК 1(47)097)+929

РУССКАЯ ИДЕЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

М. О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

В статье рассматриваются генезис понятия «Русская идея», ее место в русской религиозной мысли, влияние на общественное сознание российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: русская философия, русская идея, социальная динамика, социокультурные изменения.

Russian Idea: Historical and Philosophical and Social Foundations

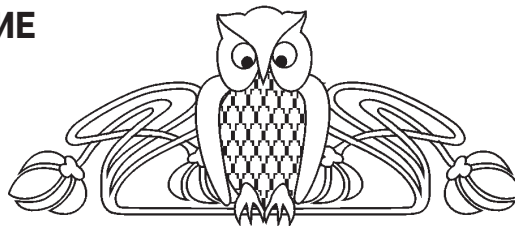
М. О. Orlov

The article examines the genesis of the notion «Russian idea», its place in Russian religious thought, its influence on public consciousness of Russian intelligentsia of the late XIX – the early XX centuries.

Key words: Russian philosophy, Russian idea, social dynamics, social and cultural changes.

Никакие логические рассуждения и доказательства не способны передать суть красоты, если нет в душе человека соответствующей предрасположенности к ее восприятию. Тысячи самых талантливых литературных критиков и литературоведов не докажут эстетически убогому человеку красоту пушкинских строк или величие и совершенство романов Л. Толстого. Трудно также предположить, чтобы посредством безукоризненных силлогизмов человек смог подвести себя к совершению нравственного подвига или благородного поступка. На практике чаще бывает по-другому: кто-то совершает подвиг, а потом не может объяснить, как и почему он его совершил. Все знают, что нужно делать добро, но чтобы его действительно делать, нужно в своей душе иметь нечто большее чем это знание. И предрасположенность к восприятию красоты, и готовность к совершению добрых поступков коренятся, во-первых, в той точке душевно-духовного пространства личности, которая называется сердцем. И именно в единстве Истины с Добром и Красотой оно постигает божественное совершенство.

Во-вторых, если рациональное мышление оперирует понятиями, то есть обобщенными, абстрактными формами мысли, то сердце обладает способностью индивидуализированного восприятия, осуществляемого часто в невербализованной форме.

Русская философия, построенная на сердечном созерцании, является преимущественно экзистенциальным философствованием, для которого характерно стремление прорваться к экзистенции – индивидуальному человеческому бытию. Неслучайно своих подлинных вершин русская философская мысль достигла в художественном творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого, где не понятия, а образы-идеи являются ключом познания мира и человека.

В-третьих, все русские философы свидетельствуют о глубине сердца, причем само это понятие имеет несколько аспектов:

в сердце коренятся мотивы познания. Чтобы стимулировать познание, необходимо, чтобы появился мотив, возник импульс интереса;

сердце, благодаря интуиции, прозревает не только прошлое, настоящее, но и грядущее – источник пророчеств, с которыми часто не могут соперничать научные прогнозы;

именно в сердце своем принимает человек окончательные решения по жизненно важным вопросам – он как бы «вслушивается» в предельные глубины своего «Я», надеясь получить оттуда единственно верный ответ;

сердце есть та глубина, на которой происходит встреча человека с Богом, божественным Логосом, оно источник божественного откровения: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8);

глубина сердца означает его сокровенность – тайна человека сосредоточена в его сердце, оно непостижимо, как непостижим сам Бог. Мы можем в акте веры постичь, что Бог есть, но знать, что Он есть, мы не можем. Точно так же никакая рационализация феномена сердца не сможет исчерпать его бездонной глубины. Тайна сердца, в частности, состоит в том, что оно может быть источником доброй или злой воли; последняя отнюдь не просветляет разум, а наоборот, его затемняет.

И, наконец, самое главное: сущность сердца есть любовь. Для русской философии любовь не только чувство, не только глубокое переживание как основа жизни любого человека, но и главный принцип познания. «Любовь неотделима от познания, от гносиса», – говорит тонкий русский богослов и философ В. Лосский, сын

Н. Лосского¹. В этом плане русская философия отличается от индийской мистики, для которой сердце есть источник божественного, но бесстрастного созерцания истины. Русские мыслители продолжают античную традицию, заложенную Платоном и развитую на христианской основе отцами Восточной церкви в лице Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и др.

Русские философы вернули философии ее первоначальный смысл – любовь к мудрости, Софии. Любовь есть сердечное влечение к истине, и, следовательно, пафос философии – эротический пафос. С другой стороны, философия есть все же любовь к мудрости, а не к чему-то иному, и поэтому не остается безответной, то есть дело философии не является второстепенным и безблагодатным. Мысль, одержимая Эросом, перестает быть только человеческой и, заражаясь божественным, сама становится божественной. В ней божественное не просто дается как что-то внешнее и готовое, но нисходит и, заражая собой, внутренне усваивается и одолевается как задача, как подвиг.

Одним из основных предметов познающей любви стала для русских философов Россия, ее судьба. Проблема судьбы России философия русской истории и культуры терминологически определила как русскую идею. Она скрепляет в одну философскую традицию разных мыслителей, вынь ее из тела русской философии – и как знать, не распадется ли последняя на отдельных философов, представляющих то или иное направление (персонализм, экзистенциализм, феноменологию, интуитивизм и др.)? Вместе с тем русская идея не накладывает на русскую религиозную философию печати национальной ограниченности и духовного провинциализма. Следует также отметить, что в своих размышлениях на тему России мыслители не покидают почвы собственно философского знания и не вторгаются в область публицистики или конкретно-научного знания (социологию, политологию, этнопсихологию и др.).

Русская идея (в той форме, в какой она представлена у русских религиозных философов) зарождалась в последней четверти XIX в. – тогда, когда появились первые симптомы культурного и духовного кризиса западной, то есть христианской цивилизации (одним из первых их зафиксировал Ф. Ницше), – а окончательно оформилась в XX в., когда этот кризис из-за доминирования западной цивилизации стал мировым глобальным событием.

В первом приближении русская идея действительно предстает как идея национальная, но более тщательное изучение обнаруживает в ней универсальное содержание. Не этим ли объясняется, в частности, тот факт, что проблеме России, ее духовной миссии уделяли внимание не только отечественные, но и западные мыслители, причем ими двигал не географический или этно-

графический интерес, а тяга к русской культуре как духовному центру мира. В частности, можно сослаться на выдающихся немецких мыслителей И. Г. Гердера и Ф. Баадера. Баадер, видевший в России посредницу между Востоком и Западом и высказывавший много схожих со славянофилами и Вл. Соловьёвым мыслей, решил даже ехать в Россию (его приглашал кн. Голицын), однако по непонятным причинам его не впустили российские власти.

Русский «душевный» человек нуждался в предметности. Европейский «предметный» человек нуждается в новой человечности. Кто односторонне стремится к внутреннему совершенству, тот отказывается от задач дня – добродетель делает его непригодным для жизни. Русских нужно завоевывать для мира, примирить их с ним так, чтобы они больше не стремились к его гибели. Европейцев же, наоборот, надо от него отдалить, чтобы они не терялись целиком и полностью в мелочах временного и бренного. Русский должен стать более деловитым, а европеец – более добродетельным. Русский должен сконцентрировать свое чувство всеобщности, а европеец – расширить свое «точечное» чувство. Один должен снова начать видеть и почитать землю, а другой – небо.

«Русская идея» – под таким названием в 1888 г. в Париже вышла работа Вл. Соловьёва на французском языке. Русский перевод ее появился в России лишь в 1909 г. В том же году была опубликована статья Вяч. Иванова «О русской идее». После Октябрьской революции Л. Карсавин издал свою книгу «Восток, Запад и русская идея». Фундаментальная монография Н. Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» была напечатана в 1946 г. в эмиграции. Там же, за рубежом, появилась на свет статья И. Ильина «О русской идее» (в цикле статей «Наши задачи»). К этим работам, в названии которых фигурирует термин «русская идея», непосредственно примыкает по своей проблематике и идейной направленности еще целый ряд публикаций упомянутых и других авторов. Разумеется, нет никакой возможности сколь-нибудь детально проанализировать весь круг этой литературы. Остается лишь сделать краткий обзор наиболее значительных трактовок русской идеи, останавливаясь на характерных моментах и оригинальных в концептуальном смысле решениях проблемы. Это позволит представить русскую идею не как застывшую идеологическую форму, а как живое бытие мысли, как плодотворный диалог философов в рамках единого духовного пространства, то есть показать ее цельность и в то же время – многомерность.

Для Вл. Соловьёва русская идея является в первую очередь метафизической проблемой, в которой скрывается смысл существования России во всемирной истории. Как и всякая нация, русский народ имеет высшее предназначение, которое ему нужно еще постигнуть, «ибо идея нации есть не

то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»². Постигание смысла существования нации не тождественно выявлению ее политических, экономических и прочих интересов, потому что последние лежат в эмпирической плоскости и не могут предстать в сознании людей в идентичной форме в силу того, что разные слои народа по-разному представляют эти интересы. Соловьёв утверждал, что смысл существования наций лежит не в них самих, но в человечестве³. Это утверждение не означает, однако, что он стоял на позициях, близких к марксистским, согласно которым нации исторически возникают и в конечном счете постепенно изживают себя в едином человечестве. «Истинное единство народов, – писал Соловьёв, – есть не однородность, а всенародность, т. е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого»⁴. Судя по всему, философ различал понятия «смысл существования нации» и «национальный идеал». Если первое понятие метафизическое, требующее духовной работы, то второе – широкая практическая задача нации, требующая волевых усилий. Если смысл существования нации заключается в объединении человечества на христианских принципах, то национальный идеал есть не что иное как утверждение конкретного образа вхождения нации во всемирное человечество. Если смысл существования нации выступает как ее отдаленная, но существенная цель, то национальный идеал есть действительный способ или средство достижения этой цели.

Что касается конкретной содержательной наполненности русского национального идеала, то Соловьёв говорил об этом: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе <...> англичанин с любовью говорит: старая Англия <...> немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: die deutsche Treue (немецкая верность). Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о “святой Руси”. Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный»⁵.

Было бы неверно истолковывать русский национальный идеал в трактовке Соловьёва как стремление реставрировать патриархальные отношения в России, ибо он убежден, что прогресс народу обеспечен лишь тогда, когда он повернется лицом к преданиям отцов, то есть к исконным ценностям отечества. Иными словами, понимать

«святую Русь» следует как умопостигаемый образ небесной России, который коренится в сердце человека! Ведь это – религиозно-нравственный идеал, одновременно трансцендентный и имманентный, духовный и душевный, внеличный и личностный... Если же перевести эти рассуждения на практический уровень, то смысл их состоит в том, что культивировать идеал «святой Руси» – это значит воспитывать в русском человеке чувство священного благоговения перед родной землей, ее прошлым, настоящим и будущим, формировать в нем чувство любви ко всякому человеку и народу как в России, так и вне ее, ко всей живой твари, ко всей природе и космосу. Причем эти установки ничего общего не должны иметь с пустой мечтательностью: «Святая Русь требует святого дела»⁶.

Н. Бердяев придавал русской идее динамизм и драматическую напряженность. С его точки зрения, русский народ, в соответствии со своей вечной идеей, не любит устройства земного града и устремлен к Граду Грядущему, он жаждет Царства Небесного, царства Абсолютного Добра и не принимает мира, лежащего во зле. В силу этого русская идея является идеей эсхатологической, обращенной к концу. Бердяев раскрыл антиномичность русской души, которая придавала истории России импульсивный характер: в ней великие социальные и культурные взлеты чередовались с не менее впечатляющими падениями и катастрофами. В своих трудах он не только сформулировал антиномические противоречия русской души, но и пытался их объяснить. Так, он писал: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»⁷.

Фундаментальность, полнота, экспрессивный стиль изложения делают магически притягательными произведения Бердяева, и в то же время нельзя не отметить, что имеется некоторая смысловая раздробленность в употреблении философом термина «русская идея». Во-первых (следует традиции Вл. Соловьёва), Бердяев определял русскую идею как Божий замысел, во-вторых – как основную проблему русской теоретической мысли и публицистики. И, наконец, как комплекс наиболее типичных черт русского национального сознания, то есть, выражаясь современным языком, как менталитет. Таким образом, у Бердяева русская идея предстает

как сложная проблема, имеющая метафизический, культурологический и этнопсихологический аспекты.

Философию религии избрал в качестве верного орудия познания русской идеи Л. Карсавин. Цель русской идеи – достижение всеединства человечества наиболее оптимальным и полнокровным способом. Православная культура стоит на распутье: или она осуществит вселенское, всеединое дело чрез освоение актуализованного Западом («европеизацию») и восполнение воспринимаемого раскрытием того, что является собственным ее идеальным заданием, или раскроет только это свое, то есть, подобно Западу, ограниченно актуализует всеединство, отказавшись от полноты труда и бытия. Или, наконец, она так и останется на распутье в состоянии потенциальности, либо упорно не приемля чужого, либо в чужом теряя свое, обезличиваясь в европеизации, но в том и другом случае погибая.

И. Ильин делал акцент на творческой и волевой сторонах, без которых невозможна реализация исторического призвания России и русского человека. Эту миссию можно выполнить при условии что русский человек сохранит и разовьет в себе то самобытное и уникальное содержание, которое присуще ему извечно и благодаря которому Россия переживала свои вдохновенные и благодатные часы. Определяя сущность русской идеи, он писал: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова»⁸.

Следует отметить четыре элемента русской идеи в концепции Ильина: во-первых, мотив сердца, подразумевающий, что «главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа»; во-вторых, созерцание, являющееся синонимом живого знания; в-третьих, свобода, означающая не подчинение внешнему авторитету или формальным предписаниям, а добровольное служение Божьей правде; в-четвертых, предметность, подразумевающая конкретную направленность деяний русского человека в соответствии с его общественным призванием и положением⁹. Любопытно отметить, что Ильин называет предметность одним из основных первичных качеств русской души. Вспомним в этой связи, что В. Шубарт именно ее не находил в русских и желал, чтобы они работали в себе данное качество. Эти четыре элемента русской идеи составляют, считает философ, первичные силы русской души и культуры, из которых вырастают вторичные силы (воля, мысль, форма, организация), не являющиеся самобытно русскими, но не менее важные и необходимые для осуществления национальной идеи.

Таковы в самых общих чертах модификации русской идеи. Хотя они и не исчерпывают всю

полноту концептуальных подходов к данной проблеме, но все же дают основания для определенных выводов.

Русская идея в понимании Вл. Соловьёва, Н. Бердяева, Л. Карсавина и даже И. Ильина не является националистической и шовинистической по своему существу. Их любовь к России и русскому народу сочетается с уважительным отношением к другим народам и культурам. Более того, русская идея в своих конечных устремлениях нацелена на объединение человечества. Подавляющее большинство русских философов решительно выступало против всякого проявления национализма. В частности, суровой критике подвергался антисемитизм. Большое значение в этом плане имеют работы Вл. Соловьёва «Еврейство и христианский вопрос» и Н. Бердяева «Христианство и антисемитизм». Тот факт, что Вл. Соловьёв в своих утопических проектах Вселенской церкви включал в ее состав, наряду с разными ветвями христианства, и иудаизм, является весьма красноречивым фактом, разрушающим миф об антисемитизме русской идеи.

Русская идея не является идеей только этнических русских. Она имеет значение для всех россиян, независимо от их этнического происхождения и религиозной принадлежности. И дело тут заключается не в том, что многие русские философы не были этническими русскими. Русская идея – это прежде всего феномен великой русской культуры, преисполненной пафосом человеческого братства и единения. П. Новгородцев писал, что «все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно – преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своем это и есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры»¹⁰.

Русскую идею в трактовке Вл. Соловьёва и других философов нельзя отнести ни к славянофильскому, ни к западническому направлению. Она есть попытка проторить срединный путь между этими крайностями русского национально-самосознания. «Мы уже вступили в тот возраст нашего бытия, – писал Н. Бердяев, – когда время нам уже выйти из детского западничества и детского славянофильства, когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания»¹¹. А вот высказывание на этот счет И. Ильина, имевшего горький опыт революции, Гражданской войны и эмиграции: «После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеет никакого основания гордиться тем, что

мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры»¹².

Подлинно христианское мировоззрение несовместимо с национальным мессианством – эта мысль стала господствующей в среде русских религиозных мыслителей, хотя греху русского мессианства были подвержены и Вл. Соловьёв в ранний и средний периоды своего творчества, и С. Булгаков, увлеченный одно время идеей «русского Христа». Не был свободен от мессианских устремлений и Н. Бердяев, особенно в период своего становления в качестве религиозного мыслителя. В своей зрелой форме национальная идея русских религиозных философов есть настойчивая попытка избавиться от мессианских иллюзий. Е. Трубецкой, в своих ранних трудах также не избежавший этих настроений, писал: «Впоследствии я убедился, что в Новом Завете все народы, а не какой-либо один в отличие от других, призваны быть богоносцами; горделивая мечта о России как избранном народе Божиим, явно противоречащая определенным текстам Послания к Римлянам Апостола Павла, должна быть оставлена как не соответствующая духу Новозаветного Откровения»¹³. Таким образом, согласно русским философам, только отрехшись от национального мессианства, русский человек обретет свое подлинное национальное самосознание.

Совершенно очевидно, что русская идея отнюдь не выступает и в качестве идеологической формулы сродни пресловутой триаде «православие, самодержавие, народность». Она достаточно сложна, поэтому ей нет места на площадях и политических митингах. Ее нельзя перевести на язык примитивных лозунгов, ею нельзя возбудить толпы людей. Как философская истина она требует уединения и сосредоточенной духовной работы личности, к которой она, собственно, и обращена.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- ¹ Лосский В. Н. Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 237.
- ² Соловьёв В. С. Русская идея : соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 220.
- ³ Там же. С. 228.
- ⁴ Там же. Т. 1. С. 501.
- ⁵ Там же. С. 309.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44–45.
- ⁸ Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 323.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 574.
- ¹¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 61.
- ¹² Ильин И. А. Указ. соч. С. 263.
- ¹³ Цит. по: Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 325.

УДК 1(470)+929

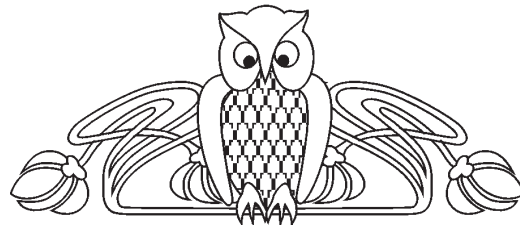
ЯЗЫК, МЕТАФИЗИКА И РУССКАЯ ИДЕЯ

В. А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В статье рассматривается внутренняя связь языка, метафизики русской идеи. Наличие метафизического измерения – конституирующее начало русской идеи. Это начало реализуется благодаря языку-символу, на основе которого формируется менталитет русской духовности.

Ключевые слова: русская идея, язык-символ, язык-знак, метафизика, национальная философия.

V. A. Friauf

Language, Metaphysics and Russian Idea

In article internal communication of language, metaphysics of Russian Idea is considered. Presence of metaphysical measurement – the constituting beginning of Russian Idea. This